

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИКОВ*

К ПРОБЛЕМАМ ПРИМЕНИМОСТИ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ДИСКУССИЯХ О СВОБОДЕ СЛОВА**

О НЕКОТОРЫХ ПРИМЕРАХ ДЖОНА ОСТИНА

Получено: 13.03.2022. Рецензировано: 19.06.2022. Принято: 27.07.2022.

Аннотация: В дискуссиях об общезначимом измерении свободы слова (возможности дедуцировать строгие принципы) одним из важных аргументов против ее «абсолютизации» считается невозпроизводимость четкой границы между высказыванием и действием. Тем не менее теория речевых актов, эффектно связывающая высказывание с действием, применима в практической аргументации не так развернуто, как того можно было бы ожидать. В этой статье автор стремится вскрыть границы сближения высказывания и действия на примере канонических лекций Дж. Остина о совершении действий при помощи слов. В исследовании доказывается, что рассмотрение всякого высказывания в качестве действия, имеющего свои последствия, намерения и цели, может считаться вполне естественным, однако оно само по себе согласуется с аргументацией защитников свободы слова утверждающих, что действие, описанное как высказывание, не является действием, подлежащим законному ограничению. Автор предлагает различать такие сюжеты (в разной степени важные для самого Остина), как (1) анализ и сравнение критериев оценки разных языковых формул с точки зрения истинности и успешности; (2) границы и критерии конвенционального переописания связанных с речью социальных действий как типовых (обещание, клятва); (3) измерение речи как активного социального ресурса, подобно иным ресурсам нуждающегося в справедливом распространении, и (4) каузальная роль, которую может играть произнесение звуков. С точки зрения автора, в практической перспективе эти сюжеты не суммируются в единый аргумент против «абсолютизма свободы слова», релевантный по отношению к современному версиям защиты свободы слова. Базовых ходов теории Дж. Остина недостаточно, чтобы укрепить практическое убеждение о неразрывности слов и действий, существенно подтачивающее надежды на строгое следование идеалу свободы слова.

Ключевые слова: свобода слова, Первая поправка, теория речевых актов, перформатив, высказывание и действие, рациональный интерпретатор.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-289-312.

*Мельников Александр Авионирович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), alexandernemakedonskiy@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9782-2390.

**© Мельников, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Я помню, как однажды, когда я говорил именно об этом предмете, кто-то из слушателей после заметил: «У меня, знаете ли, нет ни малейшего представления о том, о чем он только что говорил, — разве что он имел в виду не более того, о чем говорил». Именно так мне и хотелось бы, чтобы меня понимали.

Джон Лэнгшо Остин о перформативности
(Остин, Кирющенко, 2006: 262)

«Первая поправка всегда была мертвой» (Fish, 1994: 110), — писал в книге «There's No Such Thing as Free Speech: And It's a Good Thing, Too» известный критик политической риторики Стэнли Фиш. Он подчеркивал, что принципы свободы слова не выделяют сферу защищаемой активности достаточно четко: граница между высказыванием и действием непоправимо неопределенна, а последовательная защита свободы действий представляет очевидный абсурд. Поправка, запрещающая Конгрессу издавать законы, ограничивающие свободу действий, была бы «равносильна поправке, запрещающей Конгрессу издавать законы» (ibid.: 110, 105).

Проблема слова и действия волновала уже первопроходцев классической защиты свободы слова. «Никто не станет утверждать, что действия должны быть так же свободны, как и мнения», — писал крупнейший апологет свободы мысли и слова Дж. Ст. Милль, добавляя, что выражение мнения, слишком тесно связанное с опасным действием, может ограничиваться (Mill, 2003: 111). Эти слова легли в основу многочисленных споров, поскольку у самого Милля сложно найти даже попытку рабочего разграничения. Как замечает А. Хаурт, Милль надеется надежно защитить именно многие действия — например публикации в печати (Naworth, 1998: 30–31). Проблема слова и действия укоренилась в традиции правового осмысления свободы слова: от оптимистических проектов выделения сферы абсолютно защищенной речи и допускающей регуляцию сферы действия (Emerson, 1963) до скептических аргументов касательно самой возможности абсолютных разделений (Fish, 1994; Schauer, 2015). Ф. Шауэр, утверждая, что «каждый когерентный принцип свободы слова предполагает значимое различие между охватываемыми и не охватываемыми им активностями» (ibid.: 427), сомневается, что «повседневное различие слова и действия может выдержать нагрузку, которую от него требует значимый принцип свободы слова» (ibid.: 428). При этом слово и действие сближаются достаточно, чтобы Шауэр сфор-

мулировал главный вопрос своей статьи «On the Distinction between Speech and Action» с помощью категории коммуникативного действия: неясно, почему мы должны терпеть вредные коммуникативные действия, если их последствия сходны с вредными некомуникативными действиями (Schauer, 2015: 453).

Скептическое отношение к разделению речи и действия связано с идеей о том, что речь в принципе следует рассматривать как речевое действие, речевой акт, — и эта мысль, на первый взгляд, не кажется удивительной. Положенные в основу теории речевых актов идеи Джона Остина о перформативных высказываниях и глубинных связях высказывания и действия вполне ожидаемо обретают измерение, релевантное для правовых и политических дискуссий о границах свободы слова. Теория речевых актов часто привлекается оппонентами «абсолютизации свободы слова»¹, а лингвистические экспертизы с применением остиновской терминологии становятся частью реальных судебных процессов. Разнообразие способов, которыми теория речевых актов проникает в дискуссии о свободе слова, затрудняет оценку общих суждений об их влиянии. Но цель этой статьи — показать не то, что теория речевых актов на уровне общих ходов постепенно приводит к размытию консенсуса относительно базовой защиты свободы слова (как подозревает, например, Naiman, 1993: 81), а лишь то, что так быть не должно: общих ходов теории речевых актов недостаточно, чтобы оправдать подобное размытие.

На примере размышлений Джона Л. Остина о «совершении действий при помощи слов» я постараюсь обосновать, что они не могут быть легко обобщены в единое кредо о глубинной связи слов и действий, фатальное для попыток придать свободе слова четкий правовой смысл. Даже если всякое высказывание правомерно считать действием, это не снимает различия между перформативным символическим воздействием высказываний и несимволическим воздействием действий иного класса, а также не разбивает основных видов аргументации защитников свободы слова.

¹См. MacKinnon, 1987: 154, 193; Maitra, 2009: 309–338; Gelber, 2012: 53; характерная сноска 5; Langton, 2012: 75–80; McGowan, 2012: 126–127, 128; Waldron, 2012: 166–167 (и его критика в Varendt, 2019) и т. д. Авторы этих работ используют теорию речевых актов с разными целями, и их специальные аргументы требуют отдельного рассмотрения. Наша статья ограничивается критикой общего кредо, что сближение высказывания и действия в теории речевых актов Джона Остина само по себе составляет проблему для веры в последовательную защиту свободы слова.

1. КОНСТАТИВЫ И ПЕРФОРМАТИВЫ: ОТ АНАЛИЗА ЯЗЫКА К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ СЛОВАМИ

В истоках теории речевых актов лежат попытки Джона Остина раскрыть различия осмысленных утверждений в критериях, релевантных для их оценки и заданных в текстах «Перформативные высказывания» и «Как совершать действия при помощи слов» на основе деления констативов и перформативов. Сосредоточившись на тех примерах «действия посредством слов», которые Остин считал наиболее явными, я хотел бы критически осмыслить тезис, что они стирают практически значимую грань между высказыванием и действием.

Лекции «Как совершать действия при помощи слов» начинаются с сюжета, далекого от политики, — с критики чрезмерного внимания философов (в т. ч. философов языка) к так называемым дескриптивам — утверждениям, описывающим реальность. Некоторые высказывания, выглядящие как утверждения, не являются ни истинными, ни ложными, ни бессмысленными (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 14; Остин, Кирющенко, 2006: 274), ничего не описывают и не сообщают, употребляются как часть поступков или действий (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 17). Например:

- (1) «Я согласен» (взять невесту в жены) — на церемонии бракосочетания.
- (2) «Нарекаю этот корабль „Королевой Елизаветой“» — когда разбивают бутылку шампанского о нос корабля.
- (3) «Завещаю наручные часы моему брату» — в завещании.
- (4) «Спорим на шесть пенсов, что завтра будет дождь» — другу.

В этих примерах кажется ясным, что употреблять предложения (при определенных обстоятельствах, разумеется) не значит описывать мое действие [...] или утверждать, что я что-то делаю: скорее, это значит производить само действие (там же: 17–18).

Такие предложения Остин называет перформативами. Они имеют специфичные критерии оценки. Так, если я говорю: «Я вас приветствую» или «Спорим на шесть пенсов» — мои слова неадекватно рассматривать как информирование, подлежащее истинностной оценке («А на самом ли деле я вас приветствую?»). Скорее речь может идти об успешности — т. е. возможности высказывания стать частью задуманного действия. «Если некто произносит подобного рода высказывание, [...] тем самым он не просто *говорит* нечто, но *делает* нечто» (Остин, Кирющенко, 2006: 264). Вот человек на церемонии бракосочетания заявляет о своем согласии жениться. Что происходит в этот момент? По Остину, «я не сообщаю

о своей женитьбе», а «принимаю участие» в совершении акта этой женитьбы («I am not reporting on a marriage: I indulging in marriage»). Что это означает?

Под браком мы понимаем ряд совместных практик. Супруги, как правило, живут вместе, испытывают некоторые чувства, растят (или нет) детей и т. д. Все это связано с заявлением согласия на брак косвенно и нетвердо, посредством постепенно ослабевающих культурных рекомендаций. В ходе соответствующего ритуала действительно меняется правовой статус молодоженов, но и он не определяется сделанным заявлением. Есть разрыв между заявлением жениха и вступлением в брак. Если регистратор не услышал фразу², она просто пропала.

Остин поясняет: перформатив может не быть успешным. Произнесение слов — основное событие (leading incident) в совершении действия, но нужны и обстоятельства: необходимые собеседники, полное корректное исполнение процедуры. Во всех примерах сказанное уточняется контекстом: чтобы описать перформатив, нужно этот контекст идентифицировать. Но — и с этим сталкивается Остин — мыслимо множество причин, по которым провозглашенное в ходе церемонии не окажет ожидаемого влияния. Среди условий успешности перформатива Остин указывает: все участники должны исполнить процедуру корректно и полно (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 26). А основания этого критерия — не в структуре высказывания и не в фактах контекста, а в *поведении других агентов*, которое не может представлять собой часть активности говорящего.

Здесь мы подходим к ключевому моменту. Остин утверждает, что некоторые высказывания подразумевают включенность в систему действий говорящего и его собеседников. Но на данной стадии мы уже имеем два сюжета: во-первых, различие в способах языкового анализа, адекватного для констативных и перформативных формул. Во-вторых, роль, которую самые разные формулы, соединяясь с обстоятельствами, играют в совершении социальных действий.

При разработке второго сюжета от Остина не могло укрыться, что и констативы обладают особенностями перформативов. «За углом злая собака!» — констатив, вполне подлежащий истинностной оценке. Но им я предостерегаю другого человека, успешно или нет. Тесно связанное с истинностной оценкой «Я утверждаю...» трудно отличить по структуре от перформативов, вроде «Я обещаю...», подлежащих оценке по

²А также нет видеозаписи, чтобы призвать его к ответу, и т. д.

критерию успешности (см. Остин, Кирющенко, 2006: 276). Да и с обещанием не все просто, если учитывать, к примеру, иезуитские рассуждения о внутренней речи, что обещание дается Богу, а язык лишь сообщает о факте данного обещания человеку (не сдержав обещание, которое я не давал в сердце своем, я лгу человеку, но не Богу). Тогда фраза «Я обещаю...» начинает оцениваться именно по истинности: она ложна, если духовного акта, о котором она информирует, на самом деле не было. Можно и более прямолинейно сблизить истинность с искренностью, назвав истинным то обещание, относительно которого есть намерение его сдержать. Остин хочет предостеречь слушателей от таких ходов, «открывающих лазейку» для «лжесвидетелей, должников» (там же: 265; Остин, Макеева и Руднев, 1999: 20–22). Но непрактичность конвенционального признания реальности духовных актов или же неспособность выдать им обоснованную истинностную оценку еще не означает, что обещание в принципе нельзя рассмотреть как информирование.

Понимая, что деление на констативы и перформативы не позволяет вполне описать роль, которую слова играют в действиях, Остин приходит к более общей идее речевых актов. Идея, что высказывания в данных обстоятельствах могут задумываться и становиться частью действий, больше не требует радикально противопоставлять констатив перформативу. Различные высказывания содержат собственно произнесение (локуция), то, что в этом произнесении (*in saying*) сделано (иллокуция), и то, какое воздействие этим (*by saying*) оказывается на адресата (перлокуция).

Тем самым от анализа языка Джон Остин неумолимо приближается к сфере практической философии. Трактат Остина, Рэй Лэнгтон уже делает такой вывод (Langton, 1993: 296–297):

С его точки зрения, все речевые акты являются действиями (*action*) [...]. Действия, вне зависимости от того, являются ли они речью, могут быть защищены или не защищены, что в целом зависит от сути этих действий и их эффектов.

Возможно, уже здесь возникает эффект, которого Остин старался избегать: как будто сказано нечто большее, чем сказано. Казалось бы, мысль, что все акты речи являются действиями, не должна так уж удивлять. Произнесение слов не хуже многих других действий: тут есть и движение тела, и возможные намерение, и цель. Но в свете идеи перформативов может показаться, что сказать теория речевых актов хочет совсем не это. Говоря о перформативах, Остин противопоставляет

перформативное действие «просто говорению» (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 113; Остин, Кирющенко, 2006: 264). Соединяя это с мыслью, что всякое говорение есть одновременно и действие, можно поддаться таинственной интуиции, будто всякое говорение противопоставляется само себе. Раскрываясь как действие, оно обретает некое инобытие, перестает быть просто говорением. Мы попробуем освободиться от этих мистических чар, отстояв позицию, что высказывание, являясь действием, в то же время не перестает быть и просто говорением.

2. ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ДЕЙСТВИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ПРИМЕРЫ ОСТИНА И ГРАНИЦЫ СОВЕРШЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПОМОЩИ СЛОВ

Есть фундаментальное различие между символическим и несимволическим взаимодействием. Первая поправка направлена прямо на защиту первого и лишь по случаю — на защиту второго,

— пишет Ф. Хайман в «Speech Acts and First Amendment» (Haiman, 1993: 5). Слова, по Хайману, влияют на реальность совсем не так, как несимволические воздействия, — их средством является убеждение (ibid.: 12), не способное упразднить свободу адресата.

Символические и несимволические аспекты, конечно, связаны. Например, убийство Кеннеди — действие несимволическое, но символически значимое. А символические взаимодействия содержат несимволический аспект: по словам Кальвена, всякая речь есть «речь плюс» (устная речь — это еще и шум, письменная — воздействие на бумагу...) (Kalven, 1965). Но само по себе это не проблематично, если верно, что символические и несимволические аспекты можно и нужно рассматривать отдельно: шум — отдельно от содержания речи, факт убийства — отдельно от того, что убийца хотел им «сказать» и т. д. Примеры Хаймана: сжечь крест на своей лужайке или показать свастику на митинге в общественном парке — это символическое поведение, квалифицируемое как речь. Сжечь крест на чужой лужайке или нарисовать свастику на месте богослужения — несимволическое вторжение, которое может регулироваться (Haiman, 1993: 5–6)³.

Это рассуждение интересно нам своей независимостью от общего хода теории речевых актов, что все высказывания являются действиями.

³В примере с крестом Хайман отсылает к нашумевшему делу начала 1990-х R. A. V. v. City of St.-Paul, которое завершилось тогда оправдательным приговором (разбор этого дела см. Haiman, 1993: 40–41).

Хайман скорее спрашивает, как именно действия действуют. Когда Лэнгтон пишет: действия, речевые или нет, могут быть в зависимости от своей сути защищены или нет — это еще не показывает проблем общего вывода, что все речевые действия должны быть защищены. Для прояснения аргумента я предлагаю выделить три простых взгляда на высказывание и действие:

- (1) любые высказывания являются действиями;
- (2) некоторые высказывания являются действиями;
- (3) высказывания и действия независимы, и между ними есть граница.

У этих взглядов — серьезные последствия. Если верно третье, принцип свободы слова в пределе обращается в идею убрать из уголовных кодексов все описания высказываний. Если верно второе, нужен экспертный анализ высказывания, чтобы выдавать правовой вердикт. А если верно первое? Это самый сложный вопрос, возможно, потому что именно он имеет отношение к действительности.

Скепсис относительно «абсолютизма свободы слова» берет часть своей силы в распространенном убеждении, будто решительные защитники свободы слова должны придерживаться третьей позиции (что причиняет им немало трудностей, когда они между делом называют высказывание действием, а не активностью или еще чем-то подобным). Но я попытаюсь показать, что последовательная защита свободы слова совместима с первой позицией и, следовательно, с теорией речевых актов.

Практических позиций по отношению к защищенности высказываний тоже можно выразить три:

- (1*) любые высказывания могут быть криминализованы при необходимости (т. е. ни одно из них само по себе не застраховано: если оно, например, «неудобно сильнейшему», или противоречит общественной морали, или используется в целях доминирования, или соответствует clear danger rule);
- (2*) некоторые высказывания (например, призывы) могут быть криминализованы при необходимости, а некоторые (например, выражения личной оценки или истинные информирования) — нет;
- (3*) никакие высказывания не должны быть криминализованы.

Параллели между 2 и 2*, а также между 3 и 3* кажутся вполне естественными. Но ведет ли аналогичным образом 1 к 1*? По всей видимости, позиция 1* не отменяет консенсуса, что уважительное отношение к свободе слова, даже далекое от «абсолютизма», предполагает, что высказывания (или их типы) не должны быть ограничены без веских

на то оснований. Суть позиции 1* скорее в том, что эти основания могут не вытекать из прозрачных свойств самого высказывания, но получать опору в виде решения уполномоченной инстанции касательно опасного, дискриминационного, аморального или неугодного. Но из позиции 1 этого еще не следует. Можно попытаться совместить 1 с 3*, рассматривая высказывание как родовое описание особого класса действий, защищенных по ряду причин. Критикам абсолютной свободы слова нужно тогда показать не только то, что высказывания являются действиями, но и то, что хотя бы некоторые из них являются такими действиями, которые можно при необходимости ограничить. Насколько теория Остина релевантна для такой демонстрации?

Задаваясь вопросом о роли слов в совершении действий, Остин выходит далеко за рамки анализа предложений и различает совершение действия словом от слова как маркера действия (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 74). Представим, что я говорю: «Да будет свет!» — и нажимаю на кнопку выключателя. Это вполне обычное высказывание, информирующее о моих намерениях. Совсем другое дело, когда я с телефоном в руках объявляю: «Окей, гугл, покажи мне статистику по экстремистским преступлениям в России!» Мне не нужно делать дополнительного действия: сами слова запускают процесс. Конечно, Остин не мог сам привести такого примера. Но может показаться (здесь есть подвох), будто мы видим тут ключевую интуицию. Некоторые высказывания не столько пассивно сообщают, сколько сами создают факты. Эффектные формулировки (по типу вышеупомянутой «I am not reporting on a marriage: I indulging in marriage») подчеркивают прямоту связи между словом и созданным фактом. Эта связь подразумевается и в общих комментариях, например (Maitra, 2012: 98):

...говоря (in saying), что я делаю, я осуществляю иллюкутивный акт ставки (или, возможно, другие иллюкутивные акты). Мои слова конституируют акт ставки, мне ничего больше не нужно делать, чтобы выполнить действие.

Но именно веру в простоту и полноценность связи слов и содержащего дополнительный смысл по отношению к произнесению слов действия мы предлагаем осмыслять скептически.

Для Остина важно понять отношения между высказыванием и сопровождающим информированием. Как отличить самостоятельный акт от сопровождающего маркера («Я включаю свет»)? Простой ответ таков: во втором случае мои слова не имеют силы запустить действие по

включению света, я должен организовать процесс как-то иначе. Не предполагает ли тогда критерий понимания высказывания как речевого акта указание на каузальную силу слов, способных быть достаточной причиной эффекта?

Отношение слова к результату порой весьма таинственно. Например, интерпретация библейского тезиса «В начале было Слово» может в определенных исследовательских фреймах порождать непростой вопрос, создал ли Бог мир *in saying, by saying* или как-то вообще иначе. Но предпочтем более простые примеры. Священник читает молитвы при освящении квартиры. Монах говорит, изгоняя беса: «Изыди». Софист совращает доверчивого юношу с пути истины. Чтобы сказать, что словами «изыди» изгоняется бес, а мудренным аргументом совращается юноша, нужна демонстрация, что слова не просто сопровождают (свет не включается словами «да будет свет», если эти слова произносит человек в обычном доме без специальных технических систем), но действительно обуславливают процесс. Только тогда беса изгоняют словом «изыди», а не используют его для обозначения, когда слова включены в каузальную цепочку. Только тогда слова «объявляю вас мужем и женой» являются самостоятельным действием, а не информирующим сопровождением, когда без посредства этих слов брак не был бы заключен. Но как устроена эта связь между словами и действием и, если она каузальная, как ее регистрировать?

Вернемся к примерам Остина. «Нарекаю корабль „Королевой Елизаветой“», — сказал человек, разбивая бутылку с шампанским. Если это было действием, изменением реальности, что именно изменилось? «Поименование корабля», — пишет Остин (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 100). Но что это означает? Пытаясь найти имя корабля в мире, смогу ли я указать на факт, возникший именно посредством данного перформатива (кроме самого факта высказывания)? Я могу найти имя на судовых предметах или на корпусе судна, но его произвел маляр, а не парень с шампанским. Я могу найти имя, под которым судно фигурирует в документах, но его утвердили при оформлении документов, а не на церемонии. Остин пишет, что последующие референции к кораблю как иначе поименованному станут «неправомерными» (*out of order*). Но я могу разузнать, как разные люди называют корабль, обнаружив, что и здесь разбивавший бутылку человек лишен безусловной власти. Желających называть судно «Толстяк», «Лиза» или «Генералиссимус Сталин» отсылка к «официальному» ритуалу не остановит. Все эти решения принимают другие люди.

С одной стороны, имя судна, объявленное в ходе ритуала, связано с его именем в документах и в коммуникации. Но если человек с шампанским назвал судно одним именем (допустим, оговорился, подшутил или издал невнятный звук), а в документах оно пошло под другим, это не отменит того, как судно зафиксировано в документах. То есть в высказывании парня с шампанским *не* содержится общезначимого именованного корабля, связь между высказыванием и именованном в итоге случайна.

Аналогично, пусть я соответствовал всем критериям человека, имеющего право вступить в брак, сказал в положенном месте, что согласен взять невесту в жены, но в этот момент ответственное за наш брак лицо закашлялось и меня не расслышало. Очевидно, мой перформатив не удался. С точки зрения совершенного действия сказанное так и не оказалось ничем, кроме произнесения слов определенного содержания. Решительный сторонник теории речевых актов заметит, что успешный перформатив перестает быть таким обычным произнесением. Но при разделении перформативов на удачные и неудачные, есть риск решить, что это свойства самих перформативов. Между тем я могу прикладывать сколько угодно усилий, и все равно дело должно закончиться штампом в паспорте, который ставлю не я. Представим, что человек, регистрирующий брак, все прекрасно расслышал. Но он сам влюблен в мою невесту и в отчаянном порыве ревности делает вид, что ему плохо и он не может продолжать церемонию⁴. Как бы я ни хотел, чтобы сам факт моего высказывания в контексте что-то обуславливал, мои слова вынуждены остаться символическим посланием другому человеку, завершающему ритуал. Я обращаюсь к регистратору брака, или к нотариусу, чтобы он зафиксировал мое завещание, или к другу, чтобы он согласился на пари. Во всех этих случаях речь — не о самостоятельном действии, а о *попытке* (attempt) мотивировать процесс действия, где агентом будет кто-то другой. Фигуры нотариуса, друга, регистратора неизбежны для контекстуализации моих слов (я обращаюсь к ним именно потому, что в одиночку у меня ничего не получится), и они остаются свободными в своей реакции на мое обращение. Как пишет Хайман, у адресатов речи есть выбор: слова не могут сделать ничего, если они не приняты всерьез (Haïman, 1993: 9, 16).

Остин касается аргумента, что действия, функционально подобные свадьбе или ставке, могут осуществляться в некоторых контекстах без

⁴Сходную тактику использовал, пусть по иным мотивам, Рамкопф из фильма М. Захарова «Тот самый Мюнхгаузен»: «Я болен, вот справка».

ясно выделенного аспекта речи (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 20). Но даже и там, где ритуальное действие предполагает речь, значение произнесения слов для достижения цели ритуала рискует быть преувеличенным. На вопрос о согласии взять невесту в жены я могу горячо кивнуть, или «проглотить» окончание слова, или нетерпеливо сказать: «Мы опаздываем, ставь уже свой штамп». Во всех этих случаях ритуал даже может состояться. Это значит, что свадьба происходит не в момент высказывания перформатива, а в рамках завершения ритуала действием, на которое можно четко указать. Точнее, ни один из многочисленных смыслов женитьбы не зависит напрямую от акта высказывания. Даже если мы обратимся не к светскому, а к церковному бракосочетанию, может не хватить оснований связать состояние брака с формулой согласия — браки в этом смысле вообще заключаются на небесах, и нелегко объяснить, как формула согласия конгруэнтна этому таинству.

Что же все-таки происходит при согласии взять в жены невесту или при наречении корабля «Королевой Елизаветой»? С моей точки зрения, просто произнесение символически нагруженных слов, услышав которые другие люди могут сделать определенные выводы (а могут и не сделать) (Найман, 1993: 14–15), — ничего принципиально необычного для речи. Да, у говорящего есть некое обоснованное ожидание от действий другого человека / других людей, но оно не отменяет их свободы совершить или не совершить эти действия или другие. Да, приложено немало усилий, чтобы нотариусы не творили произвола в записи последней воли, а ревнивые регистраторы не преграждали влюбленным дорогу к браку. Но оттого что мы часто опираемся в действиях на чужие слова, эти слова еще не присваивают силу связанных с ними действий. Вот я прихожу сдать справку бюрократу. Я могу прийти с полным пакетом документов и прилежно ответить на все вопросы, но бюрократ заявит: «Приходите в следующий вторник». Плохо устроенное взаимодействие напоминает, как мало значат наши слова, и заставляет задаться вопросом, правильно ли мы понимаем хорошо устроенное взаимодействие.

Перформативы, соответствующие внутренне устойчивым практикам, рискуют показаться успешными сами в себе, допуская эффектные формулировки: будто некий несводимый к произнесению звуков результат заключен автоматически в самом акте речи, или будто, говоря о своем согласии на брак, мы властвуем словами над ситуацией. Но призови мы вместо этого регистратора крушить все вокруг, все быстро вспомнили бы, что слова не ведут к соответствующему акту непосредственно. Нам

может казаться, будто довольно разбить бутылку о корабль, чтобы именовать его, но стоит самозванцу выхватить эту бутылку и закричать: «Генералиссимус Сталин!» — и ему напомнят, что слова не гарантируют эффекта.

Тут можно заподозрить, что идея совершения действий посредством слов во многом основана на привычке, что те, от кого мы ждем определенных действий, следуют за логикой наших слов. Но едва ли высказывание может само преобразовать реальность. Ему нужен дополнительный фактор, не контролируемый актом высказывания, — ожидаемое, но не гарантируемое поведение адресата. Убеждение, что речевой акт является самостоятельным действием по достижению не сводимого к самому высказыванию результата, требует решительной детерминистической предпосылки. Пока же постулат свободы сохраняется в той степени, в которой высказывание рассматривается как высказывание, причинная цепочка на нем обрывается и уходит далее в свободный выбор адресатов. Упомянутый пример с «Ок, Гугл» интересен именно тем, что в нем произнесение слов действительно обретает иное значение в каузальной цепочке. Но как раз это обращение к Гуглу и не является речевым актом! Связь произнесения слов с результатом столь объективна здесь именно потому, что не относится к символической структуре речи. Если наши слова не всегда обращены к людям как рациональным интерпретаторам, это порождает важную линию в ограничении свобод: например, под запрет может попасть команда «фас» собаке, специально обученной убивать⁵, или предложение ребенку нажать на кнопку взрывного устройства. Серьезная проблема связана с мгновенным непосредственным воздействием речи и на взрослых людей⁶ (то, что Энском описывала как ментальную причинность). Но именно к аргументации Остина, равно как к вышеупомянутым лингвистическим экспертизам, эта линия отношения почти не имеет.

Разумеется, отсюда не следует, что речевые акты не влияют на реальность. Скорее важен акцент на том, что речевые акты влияют на реальность именно как сознательная⁷ речь. А если так, защитники свободы слова не делают ошибки, рассматривая сферу речи как нечто в целом самостоятельное. Люди влияют на мир посредством слов, и,

⁵Известный пример К. МакКиннон: MacKinnon, 1987: 156.

⁶Так, это одно из направлений дебатов о свободе слова и порнографии, если верно, что последняя оказывает в том числе произвольный физический эффект.

⁷Бормотание во сне, даже если оно содержит осмысленные предложения, обычно не считается речевым актом.

например, Льюис или Лэнгтон тонко описывают, как это может происходить (Lewis, 1979: 339–359; Langton, 2012: 87–88). Но это влияние все еще не стоит уверенно смешивать с тем, какое влияние на мир оказывают действия иного рода.

3. СВОБОДА СЛОВА И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ: ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ОСТИНА

Риск приписать теории речевых актов избыточный смысл для дискуссий о свободе слова связан с тем, что идея иллокутивной и перлокутивной роли высказываний действительно имеет социально-политическое измерение. Так, Рэй Лэнгтон в известной статье «Speech Acts and Un-speakable Acts» соединяет теорию Остина с феминистскими аргументами Маккиннон⁸. При этом сближение речи и действия возникает сразу в двух политически важных смыслах. Во-первых, Лэнгтон рассматривает речевые акты, результативно изменяющие реальность (законодатель времен апартеида говорит: «Черным не разрешается голосовать») (Langton, 1993: 302). Но помимо этого (небеспроблемного) хода, что действие, посредством которого люди лишаются права голоса, может быть идентифицировано именно как произнесение слов, мысль, что успешная речь является действием, используется Лэнгтон для привлечения внимания к особой форме контроля, когда речи не дают функционировать в качестве задуманного речевого действия (*ibid.*: 299). Допустим, женщина говорит настойчивому мужчине «нет», а ее слова не воспринимают всерьез, тем самым лишая акт отказа не только перлокутивной (отказ не стал помехой для дальнейших действий), но даже иллокутивной силы, как если бы отказ вообще был бы не отказом, а частью языковой игры, где все означает согласие⁹.

Это пример ясной связи между теорией речевых актов и свободой слова. Активное измерение речи означает, что полноценная свобода слова подразумевает не только гарантии от юридического вмешательства, но и социальную возможность осмысленного высказывания (West, 2012), поэтому в дискуссиях о свободе слова важна проблема «приведения к молчанию» (*silencing*). Теория речевых актов применяется Лэнгтон для выделения трех видов этого молчания: а) отсутствия самой локуции,

⁸«Я использую работу первого, чтобы осветить и защитить вторую» (Langton, 1993: 297).

⁹На наш взгляд, в этом важном аргументе может иметься побочное значение, скрываемое эффектными формулировками, вроде «*in saying*». Даже иллокутивная сила не вполне локализуется внутри акта высказывания: она зависит от поведения других людей.

когда человек в принципе не решается говорить, б) лишения речевых актов перлокутивной и в) иллокутивной силы. Политический вывод: полноценной свободы слова нет у тех, кого систематически приводят к молчанию, отводя им несправедливое место в языковых играх.

Но оптимизм относительно свободы слова здесь все еще возможен, если можно осмысленно бороться за справедливость предоставления шансов в языковых играх, то есть за свободу слова, в том числе как неприятие несправедливого приведения к молчанию, не лишая других агентов базовых прав на само высказывание (ср.: Strossen, 2018; Gelber, 2012).

Например, Первая поправка не защищает харассмент¹⁰. В том числе так закрепляется требование воспринимать всерьез речевые акты, но ограничиваются не речевые действия других агентов, а несимволические взаимодействия в определенных оформленных речью обстоятельствах. То есть речевые акты понимаются как существенный контекст других действий, но не как самостоятельное средство властного изменения действительности. Свобода слова включает как внимание к иллокутивному и перлокутивному измерению речевых актов, так и простой правовой тезис, что совершать речевые акты — не преступление: даже если преступление где-то совсем рядом, нужно сперва описать его правильно, четко идентифицировав запрещенный акт, не сводимый к речевому.

Аргументы Хаймана о том, что коммуникативные попытки изменить реальность должны быть признаны законными способами влияния на мир, поскольку они не принуждают интерпретатора, едва ли противоречат аргументам Лэнгтон о том, что коммуникативная власть существует¹¹ и должна распределяться справедливо. Из существования коммуникативного действия не следует подозрение Шауэра, что коммуникативные акты с вредными последствиями ничуть не лучше, чем некоммуникативные акты с аналогичными последствиями. Шауэр вполне правомерно говорит о коммуникативном действии, но, чтобы показать, как от коммуникативного действия развивается каузальная цепочка последствий, необходимо выйти далеко за пределы остиновской теории речевых актов.

¹⁰См. тонкости согласования этого ограничения с идеями свободы слова в Chemerinsky & Gillman, 2019; Lukianoff, 2012.

¹¹Интересней выглядит вопрос, вдохновленный различием власти и господства по Фуко: существует ли коммуникативное господство и если да, то при каких правовых условиях?

Шауэр опасается, что без разделения сфер слов и действий принцип свободы слова не имеет существенного смысла (Schauer, 2015: 432). Но свобода слова редко обосновывается через разделение между словом и действием. Даже Милль, вводя различие свободы и действия в процитированном ранее пассаже, обосновывает свободу слова совсем не через веру, что высказывание не является действием, а через роль свободы мнения, дебатов, противостояния консенсусу и мнению большинства для достижения и осмысления истины и формирования свободной, развитой личности (Mill, 2003). Эти аргументы продолжают работать, даже если мы считаем высказывание разновидностью действия. Проблема Милля (согласование свободы слова с принципом вреда, коль скоро действие высказывания тоже бывает опасным) смягчается дальнейшими модификациями аргумента, связанными с тем, что основание ограничения свободы агента должно подразумевать ясно мыслимую нарушаемую свободу другого агента. Современные защитники свободы слова часто апеллируют к идеям нейтральности права к содержанию высказывания (Content-neutrality Principle) и недопустимости правовой дискриминации точек зрения (Viewpoint-discrimination) (Lukianoff, 2012; Heinze, 2016; Chemerinsky & Gillman, 2019). Сложно показать, что существование или выражение мировоззрения само по себе несовместимо с общей схемой основных свобод каждого человека или что самого по себе содержания высказывания достаточно для оформления состава несовместимого с основными свободами действия.

Тем самым тематическая близость рассуждений Остина и теоретиков свободы слова в рамках отношения слова и действия во многом обманчива. Когда Остин говорит об аспекте действия в речи, для него важны совсем другие проблемы и акценты. Сближение а) правового выделения сфер речи и действия как проблемы работоспособного определения свободы слова и б) философского анализа речи как речевого действия скорее сбивает с толку, чем раскрывает реальное влияние второго на первое. Если все высказывания могут быть рассмотрены в качестве речевых актов, бессмысленно онтологизировать границу между речью и действием. Но спорно, что именно онтологическая граница необходима для последовательной защиты свободы слова. Если законы задают описания действий, подлежащих и не подлежащих ограничению, защита свободы слова может функционировать как отстаивание стандартов описаний действий, которые могут подлежать ограничению.

С. Фиш писал (Fish, 1994: 105):

Первая поправка имеет смысл либо поскольку высказывание не является действием, либо поскольку оно является особым действием, лишенным признаков, оправдывающих регулирование.

Понимание Первой поправки как запрета дискриминации мировоззрений и избирательной цензуры на основе содержания высказывания, очевидно, идет по второму пути. Можно согласиться с М. К. Макгоуэн, что свобода слова не делает невозможной регуляцию поведения, включающего в себя высказывание, но требует от регуляции соответствия высоким стандартам (McGowan, 2012: 124). На примере американского права выведенные из-под защиты Первой поправки описания действия (в т. ч. правдоподобные угрозы физического вреда, клевета, харассмент) предполагают реконструкцию состава действия, не сводимого к произнесению слов, аргументацию, совмещающую эту регуляцию с идеями нейтральности к содержанию речи и недопустимости дискриминации точек зрения. Общий тезис «Все высказывания являются действиями» мало что здесь меняет. По-настоящему серьезным был бы аргумент, показывающий, что за любым высказыванием может крыться некое иное действие, в том числе нарушающее общую схему свобод. Но такого аргумента, размывающего границу между символическим воздействием на субъекта как интерпретатора и явным несимволическим воздействием на тела и вещи, мы в теории Остина не находим.

Аргумент против последовательной свободы слова мог бы строиться через общности между намерением / эффектом высказывания и намерением / эффектом иного действия. Но в рассмотрении высказывания на основании только его содержания сложно найти как последствия, так и намерения. Что можно сказать о моем намерении, когда я использую тот или иной перформатив? Например, когда я говорю «извините» человеку, которого слегка задел при резкой остановке поезда? Сам Остин куда больше внимания уделяет практикам, внешним критериям описания речи, нежели глубоким намерениям. Чтобы переписать действие высказывания иллокутивно, приходится подробно устанавливать набор условий, касающихся не зависящих от содержания высказывания объективных факторов. «Строго говоря, не может быть иллокутивного акта [...], пока средства не являются конвенциональными для этих целей» (Остин, Макеева и Руднев, 1999: 100). Системное исследование, при каких обстоятельствах можно переписывать те или иные речевые акты как типовые — извинение, обещание, клятву и т. д. — еще

один сюжет Остина (затем Сёрла), не сводимый ни к разнице констативов и перформативов, ни к роли слов в совершении действий. При попытке придать этому сюжету правовое значение требуется задать фундаментальным вопросом о границах общезначимого описания конвенций. (Например, в какой мере оправдано вменять действию значение объективного оскорбления, если сам оскорбляющий никогда не выражал согласие с конвенцией, по которой его действие считается оскорбительным?)

Иллокутивное описание речевого акта через конвенции, а не через последствия формирует своеобразную перспективу. Так, принося извинения в конвенциональной форме, я совершаю акт извинения вне зависимости от моих целей и того, простят ли меня. Говоря определенные слова в рамках обряда освящения квартиры, священник проводит этот обряд вне зависимости от того, изгоняются ли при этом бесы, были ли они в квартире, есть ли между бесами и освящением причинная связь и т. д. Каков результат слов и действий священника? Квартира освящена. Каков результат слов «Я согласен взять ее в жены»? Я *согласился* на брак, а не *заключил* его.

Это уточнение может казаться не самым существенным, но, возможно, акцент на нем полезным образом разочаровывает. Формулировка «сказав „Я согласен“, я вступил в брак» может звучать так, будто за словами кроется некая безличная, непосредственная, почти мистическая сила быть чем-то помимо слов. За формулировкой «сказав „Я согласен“, я согласился на брак» не кроется, похоже, ничего особенного. Полагаю, так и должно быть.

Некоторые эффектные формулировки мешают замечать сложность перехода от произнесения слов к мотивированным этими словами решениям других людей. Ретушируя ключевую фигуру интерпретатора, легче поддаться соблазну, что теория речевых актов открывает некую единую, целостную истину о глубинной связи слов и действий. Но не так уж очевидно, как различные тонкие наблюдения этой теории — языковые, социально-политические — сходятся к такой истине. Если это и происходит, то далеко за пределами основных сюжетов Джона Остина.

Отслеживать, насколько интуиции проникают в практику, не слишком просто. Но представляется не такой уж редкой ошибка, когда основания виновности разыскиваются не в ясном составе действия, противоречащего свободе других агентов, а в общей оценке высказывания как способного самостоятельно изменить реальность неким дурным образом. Возможно, и поэтому грамматические процедуры на судах,

когда люди серьезно разбирают, было ли произнесенное высказывание призывом (условное «Давайте сделаем $x!$ ») или информированием (условное «Я буду рад, если мы сделаем $x!$ »), вызывают порой довольно неловкое чувство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная мысль этой статьи заключается в следующем: нет простого перехода от пронизательного анализа языка Джоном Л. Остином к убеждению, что смутность границы между высказыванием и действием лишает идеал свободы слова строгого практического значения. В рассуждении о констативах и перформативах и в теории речевых актов Остин затрагивает ряд не сводимых друг к другу сюжетов.

Во-первых, отношения утверждения, сообщения, высказывания. Идея перформативов вводится Остином как средство борьбы с предубеждением философов рассматривать предложения в узко дескриптивной перспективе. Наблюдения Остина о том, как полный анализ высказывания предполагает внимание к контексту, какие критерии релевантны для оценки предложения (истинность, успешность), внушают немалый интерес, но открывают ряд вопросов и сами по себе не обосновывают политически значимых выводов о связи слова и действия.

Во-вторых, возможности конвенционального переописания акта высказывания в определенном контексте. Например, произнесение звуков «я помню чудное мгновенье» — это декламирование наизусть, произнесение других звуков в других обстоятельствах — извинение и т. д. Эти наблюдения порождают высокие стандарты описания действий, поскольку здесь важно, кто принимает конвенции, каковы пределы использования конвенции как общезначимой.

В-третьих, активная роль высказываний как имеющих цель определенным образом воздействовать на интерпретатора/собеседника, что мотивирует дальнейшее рассмотрение речевых актов как части социальной игры, требующей внимания к справедливому предоставлению шансов играть в нее. Эти рассуждения позволяют скорее расширить социально-политическое понимание свободы слова как сопротивление приведению к молчанию, чем ограничить ее правовое измерение.

В практических дискуссиях развивается и четвертый сюжет, не являвшийся центральным для самого Остина и связанный с каузальной ролью речи. Вопрос ставится об условиях, когда само произнесение звуков может стать частью каузальной цепочки: скажем, при обращении к дрессированной собаке или при «разговоре» с Гуглом.

В основе статьи лежит тезис, что все это — разные сюжеты, и ни один из них не содержит фатальных доводов против возможности последовательной правовой защиты свободы слова. Остерегаться стоит смешения сюжетов, как если бы они служили четырьмя способами обосновать некое общее кредо, будто словами совершаются действия так, что речь неким загадочным образом перетекает в инобытие — действие, не тождественное самому акту высказывания.

Отказываясь принимать это спорное кредо, решительные защитники свободы слова вполне законно отстаивают идею, что речь не может быть криминализована в качестве речи. Эта мысль не устраняется общими соображениями, что высказывание может быть как-то связано с неким иначе описанным действием или же является действием высказывания само по себе. Требования свободы слова предполагают, что правовые ограничения действия должны соответствовать высоким стандартам описания действия, показать виновность которого можно, не нарушая основополагающих принципов нейтральности относительно содержания высказывания и правомочности любого взгляда на мир, который в нем выражается.

Защитники свободы слова могут настаивать, что содержание высказываний по умолчанию имеет именно символическое влияние на выбор другого человека, остающегося свободным и ответственным за свои решения рациональным агентом. Анализируя примеры Остина, можно найти и в них важную фигуру интерпретатора, без которого переход от речевого акта к изменению реальности (и потенциальному нарушению свобод) невозможен. Иллюзия механического перехода от конвенционально нагруженных слов к их результату обусловлена успешностью конвенциональных практик, общей готовностью общества и дальше им следовать, но конвенции не отменяют возможности агентов их нарушить. Важно не путать конвенциональную структуру (раскрываемую Остином) с каузальной (важной для аргументированного ограничения свобод). Остин обосновывает не столько конституирование высказыванием некоего иного по отношению к самому произнесению слов действия, сколько возможность переописания высказывания в контексте посредством устойчивых конвенций, признанных самими участниками речевой практики. Аргументация, по которой для ограничения свободы необходимо ясно указать другую защищаемую при этом свободу, не встречает сопротивления в его теории.

Разумеется, у защитников свободы слова всегда немало проблем. Как и многие либеральные идеалы, свобода слова разделяет уязвимость

самого представления о человеке как о свободном агенте и разумном интерпретаторе. Ситуации, когда одна сторона описывает явление в категориях защищенной речи, а другая — в терминах виновного действия, создают регулярные трудности. Но вряд ли теория речевых актов содержит общее доказательство, что защитники свободы слова в целом заняты решением нерешаемых задач.

Актуальные принципы регуляции связанных с речью действий, запрещающие легитимировать юридическую ответственность содержанием высказывания, не требуют доказывать, что речь существует как набор констативов, не является действием или не влияет на действия. Тезис — лишь в том, что законодательное ограничение действия должно быть совместимо с возможностью людей придерживаться в публичном пространстве любых точек зрения, какими бы спорными и противоречивыми мнению большинства они ни были. Свобода слова противостоит криминализации действий, описанных через выраженную в них точку зрения. Если какое-то связанное с речью действие требует криминализации, с точки зрения последовательной защиты свободы слова его нужно описать в корне иначе — на претендующем на общезначимость языке. Говоря о иллокутивной и перлокутивной силе, предлагая типовые описания высказываний посредством конвенций, Джон Остин, по-видимому, еще не дает критикам абсолютизма свободы слова никакого специфического оружия.

ЛИТЕРАТУРА

- Kalven Jr. H.* The Concept of the Public Forum : Cox v. Louisiana / Chicago Unbound. — 1965. — URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=13342> (дата обр. 25 сент. 2022).
- Остин Дж.* Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. — М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Остин Дж.* Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила : философские работы / пер. с англ. В. В. Кирющенко. — СПб. : Алетейя, 2006. — С. 262—281.
- Barendt E.* What is the Harm in Hate Speech? // Ethical Theory and Moral Practice. — 2019. — Vol. 22. — P. 539—553.
- Chemerinsky E., Gillman H.* Free Speech on Campus. — New Haven : Yale University Press, 2019.
- Emerson T.* Toward a General Theory of the First Amendment // The Yale Law Journal. — 1963. — Vol. 72. — P. 877—956.

- Fish S.* There's No Such Thing as Free Speech : And It's a Good Thing, Too. — Oxford : Oxford University Press, 1994.
- Gelber C.* "Speaking Back" : The Likely Fate of Hate Speech Policy in the USA and Australia // *Speech and Harm : Controversies over Free Speech* / ed. by I. Maitra, M. K. McGowan. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — P. 50–72.
- Haiman F. S.* Speech Acts and the First Amendment : And It's a Good Thing, Too. — Carbondale : Southern Illinois University Press, 1993.
- Haworth A.* Free Speech. — London : Routledge, 1998.
- Heinze E.* Hate Speech and Democratic Citizenship. — Oxford : Oxford University Press, 2016.
- Langton R.* Speech acts and Unspeakable Acts // *Philosophy & Public Affairs*. — 1993. — No. 22. — P. 293–330.
- Langton R.* Beyond Belief : Pragmatics in Hate Speech and Pornography // *Speech and Harm : Controversies over Free Speech* / ed. by I. Maitra, M. K. McGowan. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — P. 72–93.
- Lewis D.* Scorekeeping in a Language Game // *Journal of Philosophical Logic*. — 1979. — Vol. 8, no. 1. — P. 339–359.
- Lukianoff G.* Unlearning Liberty : Campus Censorship and the End of American Debate. — New York, London : Encounter Books, 2012.
- MacKinnon C. A.* Feminism Unmodified. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1987.
- Maitra I.* Silencing Speech // *Canadian Journal of Philosophy*. — 2009. — Vol. 2, no. 39. — P. 309–338.
- Maitra I.* Subordinating Speech // *Speech and Harm : Controversies over Free Speech* / ed. by I. Maitra, M. K. McGowan. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — P. 94–120.
- McGowan M. K.* On "Whites Only" Signs and Racist Hate Speech : Verbal Acts of Racial Discrimination // *Speech and Harm : Controversies over Free Speech* / ed. by I. Maitra, M. K. McGowan. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — P. 121–147.
- Mill J. S.* On Liberty. — New Haven : Yale University Press, 2003.
- Schauer F.* On the Distinction Between Speech and Action // *Emory Law Journal*. — 2015. — Vol. 65. — P. 427–464.
- Strossen N.* Hate : Why We Should Resist It with Free Speech, Not Censorship. — Oxford : Oxford University Press, 2018.
- Waldron J.* The Harm in Hate Speech. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2012.
- West C.* Words That Silence? Freedom of Expression and Racist Hate Speech // *Speech and Harm : Controversies over Free Speech* / ed. by I. Maitra, M. K. McGowan. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — P. 222–248.

Mel'nikov, A. A. 2022. "K problemam primenimosti teorii rechevykh aktov v diskussiyakh o svobode slova [Concerning the Problems of Applicability of Speech Acts Theory in Free Speech Discussions]: o nekotorykh primerakh Dzhona Ostina [On Some Examples of John Austin]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 289–312.

ALEKSANDR MEL'NIKOV

PHD STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS" (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9782-2390

CONCERNING THE PROBLEMS OF APPLICABILITY OF SPEECH ACTS THEORY IN FREE SPEECH DISCUSSIONS ON SOME EXAMPLES OF JOHN AUSTIN

Submitted: Mar. 13, 2022. Reviewed: June 19, 2022. Accepted: July 27, 2022.

Abstract: In discussions about possibility to deduce strict universal principles of freedom of speech, one of the important arguments against the "free speech absolutism" is considered to be the irreproducibility of a clear boundary between expression and action. Nevertheless, the speech acts theory, which exponentially connects utterance with action, is not used in philosophical argumentation as extensively as one might expect. The author seeks to reveal the boundaries of speech/action convergence concerning classical lectures of J. Austin "How to do Things with Words." The article argues that plausible validity of consideration of speech as an action with certain consequences, intentions and goals is itself consistent with free speech arguments that an act described as a speech merely, could not be justifiably limited. The author proposes to distinguish such plots as (1) analysis of different linguistic formulas in terms of truth and success, (2) boundaries and criteria for conventional redescription of speech-using actions as typical (promise, oath) (3) consideration of speech as a powerful social resource, which should be granted justly (4) causal effect, which act of utterance may have. From the author's point of view, these plots are not still summed up in any basic argument against the "free speech absolutism", relevant to contemporary defense of freedom of speech. The basic moves of J. L. Austin's theory are not enough to consolidate a practical conviction about the inseparability of words and actions, which significantly undermines hopes for strict adherence to the ideal of freedom of speech.

Keywords: Free Speech Absolutism, First Amendment, Speech Acts, Performative, Speech/Action Distinction, Rational Interpreter.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-289-312.

REFERENCES

- Austin, J. 1999. *Izbrannoye [Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the English by L. B. Makeyeva and V. P. Rudnev. Moskva [Moscow]: Ideya-Press / Dom intellektual'noy knigi.
- . 2006. "Performativnyye vyskazyvaniya [Performative Statements]" [in Russian]. In *Tri sposoba prolit' chernila [Three Ways of Spilling Ink] : filosofskiyе raboty [Philosophical Works]*, trans. from the English by V. V. Kiryushchenko, 262–281. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteya.

- Barendt, E. 2019. "What is the Harm in Hate Speech?" *Ethical Theory and Moral Practice* 22:539–553.
- Chemerinsky, E., and H. Gillman. 2019. *Free Speech on Campus*. New Haven: Yale University Press.
- Emerson, T. 1963. "Toward a General Theory of the First Amendment." *The Yale Law Journal* 72:877–956.
- Fish, S. 1994. *There's No Such Thing as Free Speech: And It's a Good Thing, Too*. Oxford: Oxford University Press.
- Gelber, C. 2012. "'Speaking Back': The Likely Fate of Hate Speech Policy in the USA and Australia." In Maitra and McGowan 2012, 50–72.
- Haiman, F. S. 1993. *Speech Acts and the First Amendment: And It's a Good Thing, Too*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
- Haworth, A. 1998. *Free Speech*. London: Routledge.
- Heinze, E. 2016. *Hate Speech and Democratic Citizenship*. Oxford: Oxford University Press.
- Kalven, H., Jr. 1965. "The Concept of the Public Forum: *Cox v. Louisiana*" [in Russian]. Chicago Unbound. Accessed Sept. 25, 2022. <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=13342>.
- Langton, R. 1993. "Speech acts and Unspeakable Acts." *Philosophy & Public Affairs*, no. 22, 293–330.
- . 2012. "Beyond Belief: Pragmatics in Hate Speech and Pornography." In Maitra and McGowan 2012, 72–93.
- Lewis, D. 1979. "Scorekeeping in a Language Game." *Journal of Philosophical Logic* 8 (1): 339–359.
- Lukianoff, G. 2012. *Unlearning Liberty: Campus Censorship and the End of American Debate*. New York and London: Encounter Books.
- MacKinnon, C. A. 1987. *Feminism Unmodified*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Maitra, I. 2009. "Silencing Speech." *Canadian Journal of Philosophy* 2 (39): 309–338.
- . 2012. "Subordinating Speech." In Maitra and McGowan 2012, 94–120.
- McGowan, M. K. 2012. "On 'Whites Only' Signs and Racist Hate Speech: Verbal Acts of Racial Discrimination." In Maitra and McGowan 2012, 121–147.
- Mill, J. S. 2003. *On Liberty*. New Haven: Yale University Press.
- Schauer, F. 2015. "On the Distinction Between Speech and Action." *Emory Law Journal* 65:427–464.
- Strossen, N. 2018. *Hate: Why We Should Resist It with Free Speech, Not Censorship*. Oxford: Oxford University Press.
- Waldron, J. 2012. *The Harm in Hate Speech*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- West, C. 2012. "Words That Silence? Freedom of Expression and Racist Hate Speech." In Maitra and McGowan 2012, 222–248.